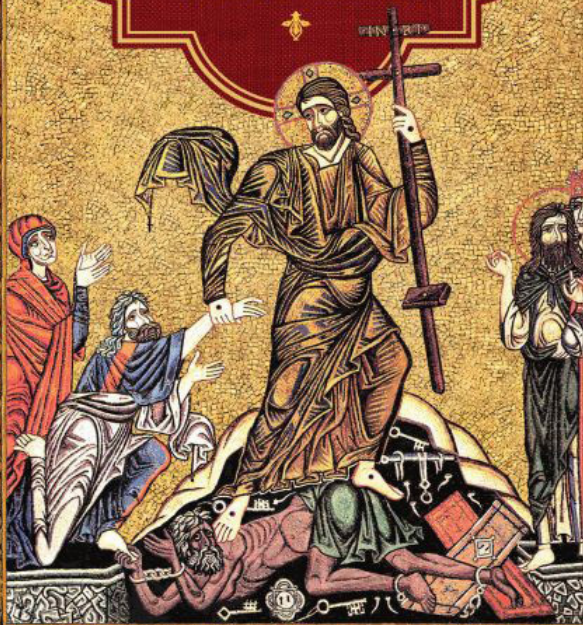

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ЗЛАТОУСТ

БЕСЕДА
О ВОСКРЕСЕНИИ
МЕРТВЫХ

Святитель Иоанн Златоуст

Беседа о воскресении мертвых

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14651985

*Беседа о воскресении мертвых. Сост. Л.А. Чуткова / Святитель Иоанн
Златоуст: Сибирская Благовонница; Москва; 2015
ISBN 978-5-906793-05-8*

Аннотация

Воскресение мертвых по учению Церкви последует со Вторым Пришествием Иисуса Христа, Который сказал: *мертвии услышат глас Сына Божия и, услышавшие, оживут* (Ин. 5, 25). Господь обещал воскресение – воскрешал при жизни, и Сам воскрес, и сорок дней являл Себя ученикам и беседовал с ними. В помещенной в этой книге беседе святителя Иоанна Златоуста дается обстоятельное пояснение истины воскресения мертвых, в ней раскрывается сущность учения о Промысле Божиим, рассказывается о тленности земных благ и необходимости направлять нашу жизнь согласно воле Божией.

Содержание

О проповеднике человеколюбия	6
Иоанн Златоуст. Беседа о воскресении мертвых	12

Святитель Иоанн Златоуст

Беседа о воскресении мертвых

Редактор-составитель *Л.А. Чуткова*

Источник: Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений

святителя Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Том второй. Часть первая. Беседа о воскресении мертвых. – М.: Православная книга, 1991.

О проповеднике человеколюбия

СВЯТОЙ ИОАНН (ок. 347–407)¹, получивший за свое духовное красноречие имя Златоустого, принадлежит к сонму тех великих церковных светил, которые украшали собою духовное небо Святой Вселенской Церкви в четвертом веке от Рождества Христова. Это был век замечательный во всех отношениях. Святая Церковь, пережив страшные времена гонений, когда все силы зла вооружались против нее, чтобы сокрушить ее и стереть с лица земли, наконец восторжествовала над ними, и на престоле римских императоров воссели ее сыны, которые воздали должную дань чести своей Святой Матери. Но с достижением внешнего господства в мире еще не закончилась внутренняя борьба с отживавшими силами язычества. Напротив, чувствуя приближение своей полной гибели, язычество напрягало все силы, чтобы если не открыто, то тайно подрывать христианство, и так как массы народа еще коснели в языческом заблуждении, то усилия язычества не оставались бесплодными.

В народах происходило необычайное движение умов, так как они не могли уже не понимать светозарной истины христианства, но в то же время еще опутаны были сетями языческих обычаев и нравов, проникавших ядом суеве-

¹ Составлено по статье: *Лопухин А.П.* Святой Иоанн Златоуст как проповедник человеколюбия и милостыни // Христианское чтение. 1897. Ч. 1.

рия, заблуждения и растления всю их жизнь. Пользуясь этим неопределившимся состоянием, многие лжеучителя находили для себя восприимчивую почву среди народа и успешно сеяли семена ересей и заблуждений, которые по временам гордо поднимали голову, угрожая самому существованию Христовой истины. Когда буря еретического заблуждения достигла наивысшей силы и угрожала поглотить корабль Церкви, во главе ее явился целый ряд великих кормчих, которые, обладая необычайными дарованиями, мужественно провели вверенный им корабль среди всех подводных камней и яростных треволнений и навсегда укрепили его в тихой пристани на несокрушимом якоре истины православия.

Среди таких кормчих особенно прославились четыре великих мужа, имена которых как светила блистают на страницах летописей Святой Церкви. Это были святые Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, самые названия которых навсегда сделались символом духовного величия. Каждый из них по силе своего высокого дарования послужил Святой Церкви, и все они доселе чтутся как святые вселенские учителя, озарившие вселенную светом своего православного учения. Но и среди них особенно дивен был по богатству и разнообразию своих духовных дарований святой Иоанн, учение которого просвещало вселенную, вдохновенное слово жгло сердца людей, а жизнь, исполненная трудов и испытаний, сделалась неистощимым источником назидания и укрепления для всех во-

инов Христовых, подвигающихся на поле духовной брани против мрачных сил злобы, тьмы и заблуждения. При рассмотрении пастырской деятельности Иоанна с этой стороны невольно припоминается изречение Божественного Пастыреначальника, Который, определяя идеал отношений между пастырями и пасомыми в Церкви Божией, говорил, что добрый пастырь знает своих овец и овцы знают его и слушают голоса его (см.: Ин. 10, 3, 4).

Много в истории христианской Церкви было пастырей, стремившихся воплотить этот образец в своей жизни и деятельности, но самый замечательный пример осуществления его в пределах возможности для человеческих сил представляет именно святой Иоанн Златоуст. Тут мы видим поразительное зрелище, что сердце народа, так сказать, жило неразрывною жизнью с сердцем пастыря, который всецело посвятил себя благу своих пасомых. В таком живом взаимообщении с своей паствой святой Иоанн провел лучшие годы своей жизни. Именно к этому времени относятся все его главнейшие произведения – как собеседовательные, так и полемические. В своих непрерывных беседах он истолковывал не только отдельные места и тексты, но и целые книги Священного Писания, как Ветхого, так и Нового Завета, и эти-то толкования и составляют главную славу его. Его толкования отличаются чудесной ясностью, простотой и жизненностью, так что составляют лучший образец истолковательного труда и неиссякаемый источник богословского знания и рели-

гиозно-нравственного назидания. Принадлежа к антиохийской² школе толковников, ставившей своей задачей, в противоположность школе александрийской, истолкование буквальное, чуждое всякой таинственности, св. Иоанн Златоуст в этом отношении достиг высшего истолковательного совершенства. Шаг за шагом следя за священным текстом, он излагает его самый естественный, прежде всего дающийся уму смысл и сначала выводит из него догматическое учение, а затем указывает и вытекающие из него добродетели, смотря на последние как на учение в его практическом приложении. И все это излагается с чудесною простотою, ясно и чрезвычайно отчетливо. У него нет ничего такого, что было бы простым умозрением, простой страстью к учительству, с неизбежными тонкостями и мелочными изысканиями. Все у него льется прямо от полноты сердца и направляется к возвышению и освящению жизни. Своих толкований он не писал и не высиживал в кабинете, а обращался с ними в живой беседе с народом в церкви. Отсюда та одушевленность и жизненность каждого из его слов, которые глубоко проникали в души слушателей, тот огонь, который поистине способен

² К антиохийскому периоду служения святителя относятся следующие его творения: толкования на отдельные книги Ветхого Завета, именно на Книгу Бытия, Псалтирь и Книгу пророка Исаии; из Нового Завета: толкования на ев. Матфея (лучший его экзегетический труд), на ев. Иоанна и на послания ап. Павла – к Римлянам, Коринфянам, Галатам, Ефесянам, к Филимону, Титу и Тимофею. Кроме истолковательных бесед к этому времени относятся и много других его бесед на разные случаи и на отдельные места Священного Писания. Среди них видное место занимают беседы «О покаянии» и «О воскресении мертвых».

был зажигать сердца людей. В течение своей продолжительной пастырской деятельности в Антиохии св. Иоанн настолько сжился и сроднился со своими пасомыми, что все его помыслы сосредоточивались только на одном: как бы лучше и действеннее назидать их, вернее охранять от заблуждений и полнее раскрывать пред ними ту истину, что вера в Иисуса Христа есть источник всяких благ. Выше этой цели он уже и не ставил себе ничего...

Великий светильник церковный, некогда выведенный из подспудного уединения в пустыне и поставленный на свещнице церковной среди многолюдного города, давал вокруг себя такой сильный и благотворный свет, что ему мало было и этого города. Свету его надлежало воссиять на всю вселенную, и для этого светильник нужно было поставить еще выше, в самом средоточии православного христианского мира. Дивна и необычайна была его жизнь, исполненная подвигов и страданий. В этом отношении он навсегда сделался блистательным образцом христианского самоотвержения, терпения и покорности воле Божией. Тяжел и скорбен был его жизненный путь, но он в то же время озарен был и лучами той радости неизреченной, которая даже во мраке земных невзгод и страданий уже предвкушает сладость небесного блаженства. Таким же тяжелым и скорбным бывает жизненный путь и всех истинных христиан, которым Сам их Божественный Учитель сказал: *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33). Но всем им открыт

также и доступ к источнику той радости неизреченной, которую испытывал святой Иоанн среди своих ужасных страданий. И тайну этого духовного счастья он раскрыл в своих дивных творениях, с благоговейным вниманием читая которые всякий христианин постигнет истинный смысл жизни и вместе с ним будет от полноты сердца повторять: «Слава Богу за все. Аминь».

От редакции

Иоанн Златоуст. Беседа о воскресении мертвых

1...Сегодня хочу заняться учением преимущественно нравственным и предложить поучение вообще о жизни и поведении; вернее сказать, и эта беседа будет не только нравственная, но и догматическая, так как я намерен изложить учение о воскресении. Этот предмет многосторонен; он и в догматах служит руководством для нас, благоустраивает и жизнь нашу, освобождает и Промысл Божий от всякого обвинения. Как неверие в него расстраивает нашу жизнь, наполняет ее бесчисленными бедствиями и ниспровергает все, так верование убеждает нас в бытии Промысла, располагает тщательно заботиться о добродетели и с великой ревностью избегать порока и наполняет все спокойствием и миром. В самом деле, кто не ожидает воскресения и не верит, что он отдаст отчет за свои здешние дела, а думает, что все наше ограничивается настоящей жизнью и за ней нет больше ни-

чего, тот не будет заботиться о добродетели, — да и как он будет заботиться, когда не ожидает никакого воздаяния за труды? — не отстанет и от зла, не ожидая себе никакого наказания за злые дела свои; но, предавшись постыдным страстям, впадет в пороки всякого рода. А кто убежден в будущем суде и имеет перед очами то страшное судилище, неизбежный отчет в делах и неподкупный приговор, тот всячески будет стараться соблюдать и целомудрие, и кротость и другие добродетели, а невоздержания и дерзости и всякого другого порока избегать; через это он будет в состоянии без всякого затруднения и заградить уста обвиняющим Промысл Божий.

В самом деле, некоторые, видя, что люди кроткие, целомудренные и живущие по правде терпят бедность, бывают притесняемы, подвергаются клеветам, едва имеют необходимое пропитание, часто страдают и продолжительной болезнью, и тяжкими недугами и не получают никакой помощи, а обманщики, нечестивцы и преданные разным порокам изобилуют богатством, роскошествуют, одеваются в блестящие одежды, сопровождаются огромной толпой слуг, служат предметом удивления, пользуются властью, имеют великое дерзновение перед самим царем, — видя это, некоторые обвиняют Промысл Божий и говорят: где же тут Промысл? Где же праведный суд? Целомудренный и кроткий бедствует, а невоздержный и развратный благоденствует; тому удивляются, а этого презирают; тот наслаждается великой роскошью, а этот — в бедности и крайнем затруднении. Сомневающий-

ся в будущей жизни замолчит и решительно ничего не скажет, а умеющий мудрствовать о воскресении легко остановит хулу и негодующим на это скажет: перестаньте изощрять язык свой против сотворившего вас Бога; дела наши не ограничиваются настоящей жизнью, но мы стремимся к другой жизни, гораздо более продолжительной, или – лучше – не имеющей конца, и там этот бедняк, живущий добродетельно, непременно получит воздаяние за труды свои, а развратник и обманщик подвергнутся наказанию за свое нечестие и несправедливые удовольствия. Итак, не будем судить о Промысле Божьем только по настоящему, а станем судить и по будущему. Настоящая жизнь есть борьба, подвиг, поприще, а будущая – воздаяние, венец, награда. Как ратоборцу в борьбе нужно сражаться в поту, в пыли, в зное, в трудах и страданиях, так и праведнику здесь нужно много терпеть и все переносить великодушно, если он хочет получить там светлые венцы. А если кого смущает благоденствие нечестивых, тот пусть еще представит, что как разбойники, и расхитители гробниц, и человекоубийцы, и морские пираты прежде, нежели они попадут в судилище, наслаждаются изобилием, приобретая свое благополучие чужими несчастьями, собирая несправедливое богатство и всякий день пьянствуя, когда же подвергнутся приговору судьи, то за все это получают наказание, – так и те, которые покупают блудниц, устраивают сибаритские пиршества, гордо поднимают брови, величаются на торжище и притесняют бедных; и они в то время, ко-

гда придет Единородный Сын Божий с Ангелами Своими, сядет на Престоле и поставит перед Собой всю вселенную, будучи приведены нагими и без всякой пышности, не имея ни в ком ни защитника, ни покровителя, без всякой пощады будут ввержены в огненные реки. Посему не ублажай их за здешние их наслаждения, но плачь о предстоящем им наказании, равно и праведного не называй несчастным за здешнюю его бедность, но ублажай за будущее богатство благ и вкорени в душе своей учение о воскресении, дабы тебе, если ты благочестив и подвергаешься искушениям, сделаться более терпеливым, черпая более ревности в надеждах на будущее, а если нечестив – отступить от нечестия, соблюдая себя целомудреннейшим по страху будущего наказания.

2. Поэтому и Павел непрестанно повторяет нам учение о воскресении, как и сегодня вы слышали такие слова его: *знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5, 1). Впрочем, обратимся к тому, что сказано выше, и посмотрим, как он перешел к учению о воскресении. Неспроста и не случайно выдвигает он постоянно это учение, а с намерением научить будущему и вместе с тем желая укрепить подвижников благочестия. Ныне, правда, по благодати Божией мы наслаждаемся полным миром, так как и цари живут в благочестии, и начальники узнали истину, и простолюдины, и города, и народы, освободившись

от заблуждения, все поклоняются Христу, но тогда, в начале проповеди, когда семена благочестия только что засеивались, была война сильная, разнородная. На верных восставали и начальники, и цари, и домашние, и родные, и все; даже вопреки самой природе велась эта война, часто отец предавал сына, мать – дочь, господин – раба. И не только одни города, не только страны, а часто и дома восставали друг на друга, и тогдашнее смятение было тяжелее всякой междоусобной войны, так как и имущество расхищалось, и свобода отнималась, и самой жизни грозила опасность, и не потому, что нападали и притесняли варвары, а потому, что сами те, которые считались повелителями и начальниками, были настроены к подчиненным хуже всяких неприятелей. И Павел, указывая на это, говорил: *выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служе зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии, ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имущества вашего приняли с радостью* (Евр. 10, 32–34). И галатам он говорит: *столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы* (Гал. 3, 4); и фессалоникийцам, и филиппийцам, и всем вообще, кому посылает письма, он свидетельствует о многом подобном. И не то только было тяжело, что извне была воздвигается жестокая и постоянная война, но и то, что между самими верующими возникали некоторые соблазны, споры, состязания, несогласия; выражая это самое, Павел говорил: *извне – нападения,*

внутри – *страхи* (2 Кор. 7, 5). И эта война была гораздо тяжелее внешней и для учеников, и для учителей. Поэтому-то и Павел не так боялся козней врагов, как внутренних падений и преступлений между своими. Так, когда впал в блуд некто у коринфян, он проводил все время в сетовании о преступнике, терзаясь сердцем и горько рыдая.

Было еще и третье обстоятельство, которое не меньше вышесказанных тяготило верующих, именно – самое свойство дела, требовавшего многих усилий и трудов. Нелегко, в самом деле, и неудобен был путь, по которому вели их апостолы, но трудный и неудобопроходимый, для которого нужна душа любомудрая, неусыпная и во всех отношениях безукоризненная. Поэтому и Христос назвал этот путь узким и тесным. Им нельзя было жить без страха, как язычникам, в делах постыдных, пьянстве, объедении, роскоши и пышности, им нужно было и обуздывать гнев, и укрощать непристойные пожелания, и презирать богатство, и пренебрегать славой, и быть выше зависти и клеветы. А каких трудов требуют такие подвиги, это знают те, которые ежедневно борются со страстями. Что, скажи мне, свирепее нечистой похоти, которая, подобно бешеному псу, непрестанно бросается на нас, всякий день беспокоит нас и требует души, постоянно бодрствующей? Что мучительнее гнева? Приятно отомстить обидевшему, но это не позволялось. И что я говорю: не позволялось мстить обидевшему? Должно было благодетельствовать обижающим, благословлять злословящих, не произно-

силь даже ни одного оскорбительного слова. Целомудрие же требовалось обнаруживать не в делах только, но и в самых помышлениях; нужно было удерживаться не только от нечистого дела, но и от (нечистого) взгляда, и даже не взиать с услаждением на лица благообразных женщин, так как и за такой взгляд можно подвергнуться крайнему наказанию. Так велика была война извне, велик страх внутри, много трудов в совершении дел добродетельных. К этому присоединилось и четвертое обстоятельство – неопытность тех, которые имели подвизаться столь великим подвигом. Апостолы приняли таких людей, которые не наследовали от предков благочестие, но были воспитаны в неге, роскоши, пьянстве, распутстве и невоздержании. А это немало затрудняло подвиги, то есть, что они не издревле и не от предков научились такому любомудрию, а только теперь приступили к этим подвигам.

3. Итак, когда подвижникам представлялось столько затруднений, апостол, желая ободрить их в труде, часто говорил о воскресении. И не этим только он увещевает и укрепляет ратоборцев, но и повествованием о собственных страданиях. Поэтому прежде чем завести речь о воскресении, он излагает свои страдания, говоря так: *мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибам* (2 Кор. 4, 8–9), указывая этим на ежедневные смерти, т. е. что подвижники были как бы живыми

мертвецами, ежедневно предаваемыми на смерть. Внушив им это, он потом ведет речь о воскресении. *Веруем, что, говорит, Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собой с вами: посему мы не унываем* (2 Кор. 4, 14–16), имея величайшим утешением в подвигах надежду на будущие блага. И не сказал им: «Посему не унывайте», но что? *Посему мы не унываем* – выражая, что и сам он непрестанно в подвигах. На олимпийских состязаниях ратоборец подвизается внутри, распорядитель же, сидя вдали, подает помощь словами и настолько лишь помогает ратоборцу, насколько может кричать и восклицать, а подойти ближе и подать помощь руками не позволяет ему никакой закон. А в подвигах благочестия бывает не так, но здесь один и тот же бывает и распорядителем борьбы и вместе ратоборцем. Поэтому он сидит не вне поприща, но вступает в самые состязания и укрепляет тех, которые борются вместе с ним, говоря: *посему мы не унываем*. Не сказал: «Посему я не унываю», но: *посему мы не унываем*, желая ободрить их похвалами. *Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). Посмотри на мудрость апостольскую: сперва он ободрил их самыми страданиями их, сказав: *отовсюду притесняемы, но не унываем*; ободрил и воскресением Иисуса, сказав: *Воскресивший Господа Иисуса воскресит и нас*.

Потом употребляет и другой способ утешения. Так как многие из людей, малодушные, слабые и жалкие, хотя и ве-

рят в воскресение, но обращают на него мало внимания за отдаленностью времени, колеблются и падают, то он прежде воскресения указывает им на другую награду и воздаяние. В чем же именно это последнее? *Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется.* Внешним человеком называет он тело, внутренним человеком именует душу. Смысл слов его следующий: еще прежде воскресения и наслаждения будущей славой мы уже получаем немалое воздаяние за труды в том, что от самых скорбей душа наша обновляется, становится более мудрой и благоговейной, приобретает большее терпение, становится твердейшей и сильнейшей. Как те, которые совершают телесные подвиги, еще прежде венцов и наград получают великую награду в самом упражнении и борьбе, делая через упражнение свои тела более здоровыми и крепкими и избегая всякой болезни, так точно и в подвигах добродетели еще прежде, чем отверзнется небо, прежде чем придет Сын Божий, прежде чем мы получим воздаяние, великую награду мы получаем от них уже в том, что душа наша становится более любознательной. Как те, которые много плавали по морям, испытали множество волнений, боролись со многими зверями, выдержали много бурь, еще прежде выгод самой торговли получают немалую пользу от такого продолжительного путешествия в том, что приобретают смелость и отважность на море и бесстрашно и с удовольствием совершают морские странствования, — так точно и в настоящей жизни тот, кто пере-

нес много скорбей для Христа, кто потерпел много бедствий, еще прежде Царства Небесного получает великое воздаяние в том, что приобретает уже дерзновение перед Богом и делает душу свою более возвышенной, так что наконец посмеивается над всеми бедствиями.

А чтобы сказанное стало очевиднее, я хочу пояснить это на примере. Сам именно Павел, испытавший множество бедствий, немалое получал воздаяние уже и в том, что посмеивался над мучителями, противостоял неистовому народу, презирал всякое мучение, оставался непреклонным и перед зверями, и перед железом, и перед морями, и перед пропастями, и перед возмущениями, и перед кознями, и перед всеми бедствиями, а с этим что может сравниться? В самом деле, человека неопытного и не переносившего никакой беды обыкновенно смущают и маловажные дела, или – лучше – не только самые дела, но и одно лишь ожидание их; что я говорю: одно ожидание? – даже тени пугают и устрашают такого человека. Напротив, кто приступает к подвигам, испытав все и претерпев бесчисленные бедствия, тот бывает выше всех их и посмеивается над угрожающими как над каркающими воронами. Немал этот венец, немаловажна эта награда, когда ничто человеческое не может опечалить его, когда страшное для других делается для него не стоящим внимания, когда над тем, чего другие страшатся и трепещут, он может посмеиваться, силой своего терпения достигнув любомудрия сил ангельских. Подлинно, если мы ублажаем тело, которое мо-

жет без боли переносить и холод, и зной, и голод, и недостаток, и путешествие, и другие труды, то гораздо больше должно ублажать душу, которая может мужественно и неустрашимо переносить все удары бедствий и во всех обстоятельствах сохранять свой ум свободным от рабства. Такой человек царственнее самих царей, потому что царю могут много вредить своими замыслами и злодеяниями и оруженосцы, и друзья, и враги, а тому, у кого такая душа, как я теперь сказал, не может повредить ни царь, ни оруженосец, ни слуга, ни друг, ни враг, ни сам дьявол: да и как это было бы возможно, когда он научился не признавать бедствием ничего, что другими считается бедствием?

4. Таков был блаженный Павел, поэтому он и говорил: *Кто отлучит нас от любви Христовой: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас* (Рим. 8, 35–37). То же самое выразил он и там, сказав: *Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16).

Слабее, – как бы так говорит он, – становится тело, но душа делается сильнее и крепче и более окрыляется. Подобно тому как воин, носящий тяжелое оружие, как бы он ни был мужествен и храбр, не может быть страшен для неприятеля.

лей, потому что тяжесть оружия препятствует быстроте ног и воинской ловкости, а если возьмет оружие легкое и удобоносимое, то налетает на противников подобно птице, так и тот, кто не утучняет своей плоти ни пьянством, ни негой, ни роскошью, но постами, молитвами и великим терпением в скорбях делает ее более легкой и тонкой, как птица, несущаяся сверху, с великой стремительностью нападает на полки бесов, легко низлагает супротивные силы и покоряет их себе. Так и Павел, приняв много побоев, попав в темницу и быв закован в колоду, имел тело, уже изнуренное трудами, но душу крепкую и сильную, и столь силен был в узах, что одним голосом потряс основания темницы, свободного от уз темничного стража привел узником к ногам своим и отверз запертые двери. Итак, Павел доставил нам немалое утешение еще прежде воскресения тем, что от искушений мы делаемся лучше и любомудреннее. Поэтому он и говорит: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5). И другой некто говорит: муж неискушенный неискусен, а неопытный не имеет никакой цены (см.: Сир. 34, 10). Таким образом, от скорби мы получаем немало пользы еще прежде воскресения тем, что душа наша становится испытаннее, мудрее и разумнее и избавляется от всякой робости. Посему он и говорит: *но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16).

Как, скажи, он обновляется? Так, что изгоняется всякое

малодушие, подавляются непристойные пожелания, сребролюбие, тщеславие, истребляются и прочие все вообще растленные помыслы. Как душа, преданная бездействию и беспечности, легко овладевается этими страстями, так душа, непрестанно занятая подвигами благочестия, не имеет даже и досуга подумать когда-нибудь о них, потому что заботливость о подвигах отвлекает ее от всех страстей. Посему он и сказал: *со дня на день обновляется*. Потом, желая еще утешить души, скорбящие среди приключаящихся бедствий и не умеющие любомудрствовать, он ободряет их надеждой на будущее, говоря так: *ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно* (2 Кор. 4, 17–18). Смысл слов его следующий: скорбь много пользы приносит нам и здесь, делая нашу душу более разумной и любомудрой, но после она доставит нам и бесчисленные блага в будущем, блага, не равноценные трудам, но далеко превосходящие подвиги и в количестве, и в качестве. Объясняя, говорю, то и другое, Павел делает сравнение важности опасностей с важностью награды, и кратковременному противопоставляет вечное, легкому – тяжелое, скорби – славу. Скорбь, говорит, временна и легка, а успокоение – впрочем, он не сказал: «успокоение», а «слава», что гораздо больше успокоения, – вечно, постоянно и велико. «Тяготой» же здесь он выразил не обременительность и трудность, а многоценность и важность, по обычаю

тех многих, которые обыкновенно называют многоценное и веским. Итак, когда он говорит: «*тяготу славы*», он понимает великость славы. Не о том только думай, – как бы так говорит он, – что тебя мучат и преследуют, но и о венцах и наградах, которые гораздо больше и блистательнее настоящих благ и не имеют ни конца, ни предела. Но эти блага, скажешь, на опыте, а те в надежде; эти явны, а те не видны, отдаленны и высоки. Но хотя они и не видны, однако явственнее видимых. Что я говорю: явственнее? – их ты можешь видеть лучше, нежели эти, потому что эти проходят, а те всегда пребывают. Поэтому он и присовокупил: *когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимоеечно.*

5. Если же ты скажешь: как могу я взирать на невидимое и не взирать на видимое? – то я постараюсь привести тебя к вере в это посредством дел житейских. И тленными вещами, находящимися в мире, нескоро стал бы заниматься кто-нибудь, если бы прежде видимого не взирал на невидимое. Например: торговец переносит много бурь, волнений, кораблекрушений и разных затруднений, но становится богатым после бурь, когда сложит товары и долго будет производить торговлю. Таким образом, бури прежде, а товары после; моря и волны уже являются ему, когда он выходит из пристани, а прибыли еще не видно, – она еще пока в надежде. И, однако, если бы он наперед не видел этой неявной и непри-

сущей, находящейся не в руках, а только в надежде прибыли, то не дотронулся бы и до (этого) присущего и видимого. Так и земледелец запрягает волов, влачит плуг, проводит глубокую борозду, бросает семена, тратит все, что имеет, переносит и мороз, и иней, и дожди, и много других неприятностей, а после этого труда ожидает увидеть богатую жатву и полное хлеба гумно. Видишь ли, как и здесь наперед труд, а потом награда, и притом награда неизвестна, а труд известен и очевиден, та еще в надежде, а этот на опыте? Однако и он, если бы наперед не смотрел на неизвестную, неявную и не видимую телесными глазами награду, то не только не запрягал бы волов, не влачил плуга, не бросал семян, но и не вышел бы никогда из дома для такой работы. Итак, не безрассудно ли — в делах житейских прежде явного смотреть на неявное, прежде наград переносить труды, прежде терпеть все неудобства, а потом ожидать от того пользы и, побуждаясь надеждой на невидимое, приниматься за видимое, а в делах Божиих колебаться и недоумевать, требовать воздаяний прежде трудов, являться малодушнее и земледельцев, и мореплавателей? И не потому только мы оказываемся хуже их, что не доверяем будущему, но не меньше того и по другой причине. Почему же именно? Потому, что те, даже во все не имея уверенности в благополучном окончании своих дел, не оставляют трудов, а ты, имея достоверного поручителя за венцы, несмотря даже и на это, не подражаешь их терпению. В самом деле, земледелец, посеяв семена, обра-

ботав землю и увидев богатые нивы, часто теряет плоды трудов своих от града, или от зловредной росы, или от саранчи, или от какой-нибудь другой подобной беды и после многих усилий возвращается домой с пустыми руками. Также и торговец, проплыв широкое море с наполненным товарами судном, часто при самом входе в пристань, подвергшись нападению ветров, ударяется о какую-нибудь скалу, едва спасши лишь тело, нагим выходит (на берег). И вообще во всех житейских делах при конце нередко случается много подобных бедствий.

А в твоих подвигах этого не бывает, но кто подвизался, кто сеял благочестие и перенес много трудов, тот непременно достигает конца, потому что награды за эти труды Бог вверил не переменчивости воздуха и не стремлению ветров, а положил их на небесах, в недоступных сокровищницах. Посему и Павел сказал: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5). Итак, не говори, что будущее неявно, потому что если ты захочешь тщательно исследовать, то оно гораздо виднее того, что в руках. Это самое и показывает нам Павел, когда называет одни блага вечными, а другие временными, под «временностью» разумея тленность их. И в самом деле, они лишь только явятся, как и улетают; лишь только придут, как и убегают; смены их быстры, обладание ими неверно. Это случается (как вы можете видеть) и с богатством, и славой, и властью, и благообрази-

ем тел, и силой, и вообще со всем житейским. Поэтому и пророк, обличая роскошествующих и неистово пристрастившихся к богатству и всем другим пустым вещам, говорит: *думают, что это ценное, а не преходящее* (Ам. 6, 5); как нельзя удержать тень, так и житейские предметы – одни из них разрушаются при смерти, а другие еще прежде смерти уплывают быстрее всякого потока. Будущее же не таково; оно не знает перемены, не допускает переворота, не испытывает старости, не терпит никакого изменения, но постоянно цветет и пребывает в одном и том же благолепии. Таким образом, если надобно назвать что-нибудь неявным, неизвестным и неверным, то следует назвать так блага настоящие, которые не остаются у приобретших их, но сменяют владельцев и каждый день переходят от одного к другому, а от другого к третьему. Объяснив нам все это и потому настоящее назвав временным, а будущее вечным, Павел начинает речь о воскресении и говорит так: *знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5, 1).

6. Посмотри опять и здесь, какие точные он употребляет выражения, самыми названиями обнаруживая силу мыслей. В самом деле, неспроста назвал он тело обиталищем души, но указывает нам на временность настоящей жизни и объявляет о перемене на лучшее, как бы так говоря: зачем ты воздыхаешь и плачешь, возлюбленный, что тебя быют, гонят

и заключают в темницу? Зачем ты оплакиваешь эти частные бедствия, когда тебе надобно подвергнуться всецелому разрушению тела или – лучше – не просто тела, но тления, находящегося в теле? А чтобы доказать, что эти частные бедствия не только не должны печалить нас, но еще радовать, он заявляет, что всеобщее и последнее разрушение составляет для нас предмет желаний, называя так разрушение через смерть. И далее: *Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище* (2 Кор. 5, 2). Двумя словами: «*хижина тела*» – он или называет самое тело, или под хижинкой тела понимает дома, в которых мы обитаем, города, внешний вид настоящей жизни. И не просто сказал: «*знаю*», но: «*знаем*», ссылаясь и на ведение слушателей; я беседую, как бы так говорит он, не о сомнительных и неизвестных предметах, но о том, что вы уже приняли верой, уверовав в Воскресение Господа. Посему мы и называем тела умерших храминами. Посмотри еще, какое точное он употребил выражение; не сказал: «*истребится и уничтожится*», но: *разрушится*, показывая, что оно, тело, разрушается, чтобы восстать более блистательным и светлым. Затем, подобно тому, как он сравнивал труды с наградами по качеству, продолжительности и количеству, так точно поступает он и здесь, называя разрушающееся тело *обиталищем*, а восстающее *жилищем*, и не просто жилищем, но *вечным*, и не просто вечным, но *небесным*, показывая превосходство его и по продолжительности, и по месту; то земное, а это небесное, то временное,

а это вечное. Теперь мы, по немощи плотской, имеем нужду и в теле, и в жилище, а тогда одно и то же будет и телом, и жилищем, не имея нужды ни в кровле, ни в каких-нибудь покровах, потому что для него нетление будет достаточно вместо всего. Далее, показывая превосходство соблюдаемых для нас благ, он говорит: *ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем* (2 Кор. 5, 4). Не сказал: «*воздыхаю*», но обобщает эту мысль. *Ибо в нем, говорит, воздыхаем*, желая привлечь и слушателей к своему любомудрию и сделать их общниками своего суждения. *Оттого мы и воздыхаем, желая облечься* (ependusasqai) *в небесное наше жилище*. Не сказал просто: *облечься* (endusasqai), но дополнил: *пооблещися* [1] (ependusasqai) и прибавил: *только бы нам и одетым не оказаться нагими* (2 Кор. 5, 3). Эти слова кажутся неясными, но они становятся ясными из следующего за ними прибавления: *Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем, потому что не хотим совлечься, но облечься*. Видишь, как он не забывает своих слов и не называет этого тела жилищем, но опять – обиталищем: *потому что не хотим совлечься, но облечься*? Здесь он наносит смертельный удар тем, которые унижают телесное естество и порицают нашу плоть. Когда он сказал, *мы воздыхаем* и не желаем *совлечься*, то, чтобы ты не подумал, будто он убегает от тела как от зла, причины нечестия, врага и неприятеля, послушай, как он предостерегает от этого мнения, во-первых, словами: *воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище*, потому что облакающийся

надевает на действительное еще нечто другое; потом словами: *воздыхаем, потому что не хотим совлечься, но облечься*. Смысл слов его следующий: не плоть, как бы так говорит он, хотим сложить с себя, а тление, не тело, а смерть. Иное – тело и иное – смерть; иное – тело и иное тление; ни тело – не тление, ни тление – не тело; тело, правда, тленно, однако тело не есть тление; тело смертно, тем не менее тело не есть смерть, но тело было делом Божиим, а тление и смерть введены грехом. Итак, я хочу, говорит, снять с себя чуждое, не свое, а чуждое – не тело, но тление; поэтому он и говорит: *потому что не хотим совлечься*, то есть тела, но *облечься* в теле нетлением. Тело есть среднее между тлением и нетлением. Оно снимает с себя тление и облекается в нетление; свергает с себя то, что получило от греха, и приобретает то, что даровала благодать Божия. И чтобы ты убедился, что он относит слово *совлечься* не к телу, а к тлению и смерти, послушай прибавленное непосредственно вслед за тем. Сказав: *не хотим совлечься, но облечься*, он не сказал: *чтобы тело поглощено было нетлением*, но что? – *чтобы смертное поглощено было жизнью*, то есть чтобы оно уничтожилось, чтобы оно истребилось, так что, следовательно, он говорит об истреблении не тела, но смерти и тления. Грядущая жизнь уничтожает и истребляет не тело, а приставшее к нему тление и смерть. Итак, воздыхание бывает не ради тела, но ради присущего ему тления. Тело и на самом деле тягостно, обременительно и грубо – не по собственному есте-

ству, а от приставшей к нему позднее смертности; само же тело не есть тленно, но нетленно. Его благородство таково, что и в самом тлении оно показывает свое достоинство. Тень, например, апостолов прогоняла бестелесные силы, их прах и пепел побеждал бесов, и одежды, находившиеся на их телах, уничтожали болезни и возвращали здоровье.

7. Не говори мне о мокроте, желчи, поте, нечистоте и о прочем, на что указывают порицающие тело, потому что это принадлежало не естеству тела, а пришедшей после тленности. Если ты хочешь убедиться в достоинстве, то вникни в расположение всех частей его, их внешний вид, действия и взаимное согласие, и ты увидишь, что отношение этих членов друг к другу правильнее, чем в любом городе, который управляется хорошими законами и где все граждане – люди мудрые. Если же ты, оставив это без внимания, станешь указывать только на его тленность и смертность, то и здесь мы не затруднимся представить оправдание. Что отсюда не только не происходит никакого вреда, но и великая польза для рода человеческого, очевидно из следующего: все святые, находясь в этом теле, явили ангельскую жизнь, и не было от него для них никакого вреда на пути добродетели, а склонные к нечестию в тленности тела имели немалое препятствие к продолжению своего беззакония. Уж если многие из людей, быв облечены в это тленное и страстное тело, возмечтали о своем равенстве с Богом и для приобретения себе

такой славы делали много усилий, то если бы они не имели страстного и тленного тела, обличителя их слабости, кого из неразумных не оболестили бы они? Итак, когда тело является препятствием к нечестию, которое есть последний предел зла, и святым доставляет повод оказывать душевное мужество, то какое извинение могут иметь те, которые его порицают и злословят? И не только это мы можем сказать о нем, но и то еще, что оно содействует нам в богопознании. Если в самом веке *невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1, 20), и *вера от слышания* (Рим. 10, 17), то очевидно, что душа посредством глаз и ушей руководится к познанию создавшего ее Бога. Поэтому-то самому и Павел любит его и восклицает, говоря, что *не хотим совлечься его, но облечься с ним в бессмертие* (см.: 2 Кор. 5, 4).

И не говори мне: как тело может опять восстать и сделаться нетленным? Когда действует сила Божия, то «как» не должно иметь места. Но что я говорю о Боге? Он устроил, что сам ты совершаешь воскресение то в семенах, то в искусствах, то в металлических веществах. Так семена если наперед не умрут, не сгниют и не истлеют, то не произращают колоса. Таким образом, как там, смотря на гниющее и разлагающееся зерно, ты не сомневаешься в его восстании, но считаешь это яснейшим для себя доказательством – потому что если бы оно не сделалось гниющим и тлеющим, то никогда не восстало бы, – так рассуждай и о своем теле: когда ви-

дишь тление, тогда особенно и любомудрствуй о воскресении. Смерть действительно есть не что иное, как совершенное уничтожение тления, потому что смерть разрушает не просто тело, но тленность его. То же можно видеть и на металлических веществах. Опытные в этих делах берут золотоносную землю и, бросив ее в горнило, вырабатывают золото; также из смеси песка и других веществ делают чистое стекло. Теперь, скажи мне, неужели благодать Божья не в состоянии будет сделать того, что делает сила огня? Кто из имеющих сколько-нибудь ума может сказать это? Помысли, как Бог сотворил тебя вначале, и не сомневайся в воскресении. Не землю ли Он взял тогда и образовал? Что труднее – сотворить ли из земли плоть, жилы, кожу, кости, нервы, вены, артерии, органические и простые тела, глаза, уши, ноздри, ноги, руки и каждому из этих членов сообщить и особенную, и общую деятельность или подвергшееся тлению сделать бессмертным? Не видишь ли, как земля однообразна, а тело разнородно и многообразно и по действиям, и по цвету, и по сложению, и по свойствам, и по всему другому? Как же, скажи мне, ты сомневаешься в будущем? Но какая нужда говорить о телах? Как, скажи мне, Бог сотворил бесчисленные силы и сонмы Ангелов, Архангелов и высшие чины их? Я не в состоянии указать иного способа кроме того, что для Него достаточно было только захотеть. Неужели же сотворивший столько бестелесных воинств не может опять обновить истлевшее тело человеческое и даровать ему высшее достоин-

ство? Кто так безрассуден, чтобы сомневаться в этом и отвергать воскресение? Подлинно, если не воскреснет тело, то не воскреснет человек, потому что человек есть не только душа, но душа и тело. Поэтому если воскреснет только душа, то существо воскреснет наполовину, а не всецело; притом же в отношении к душе собственно нельзя и говорить о воскресении, так как воскресение свойственно умершему и разложившемуся, а разлагается не душа, но тело. Что же значит изречение: *только бы нам и одетым не оказаться нагими* (2 Кор. 5, 3)? Здесь предлагается нам великая и неизреченная тайна. Какая же именно? Та, о которой апостол говорит в Послании к Коринфянам: *все оживут, каждый в своем порядке* (1 Кор. 15, 22–23). Что же значат эти слова? То, что и эллин, и иудей, и еретик, и всякий человек, пришедший в этот мир, воскреснет в тот день. Указывая на это самое, он говорил: *не все мы умрем, но все изменимся вдруг, в мгновение ока, при последней трубе* (1 Кор. 15, 51–52).

8. Так как воскресение будет для всех вообще, для благочестивых и нечестивых, злых и добрых людей, то чтобы ввиду этого ты не подумал, будто произойдет несправедливый суд, и не сказал себе: что это такое – воскресну я, с усердием столько трудившийся и бедствовавший, воскреснет также и язычник, и не чествовавший, и поклонявшийся идолам, и не знавший Христа, и насладится такой же честью? – дабы ты, говоря это, не смущался, то послушай, что изрекает апо-

стол: *только бы нам и одетым не оказаться нагими*. Но как, скажешь, можно облекшемуся в нетление и бессмертие оказаться нагим? Как? Когда мы будем чужды славы и лишимся дерзновения перед Богом. Тела грешников действительно восстанут нетленными и бессмертными, но эта честь будет для них средством к наказанию и мучению: они восстанут нетленными для того, чтобы постоянно гореть, потому что если тот огонь неугасим, то для него нужны и тела, никогда не уничтожаемые. Поэтому он говорит: *только бы нам и одетым не оказаться нагими*. Не то только, на самом деле, желательно, чтобы мы воскресли и облеклись в бессмертие, но чтобы, воскресши и облекшись в бессмертие, не явились лишенными славы и дерзновения перед Богом, чтобы нас не предали огню. Поэтому он и говорит: *только бы нам и одетым не оказаться нагими*. Далее, желая сделать учение о воскресении достовернейшим и сказав, что *смертное поглощено было жизнью*, он присовокупил: *на сие самое и создал нас Бог* (2 Кор. 5, 4–5). Смысл слов его следующий: вначале Бог сотворил человека не для того, чтобы он погиб, но чтобы шествовал к нетлению, так что и тогда, когда Он допустил смерть, допустил ее с той мыслью, чтобы ты вразумлялся этим наказанием и, сделавшись лучшим, мог опять достигать бессмертия. Такова была воля и мысль Божья издревле и от начала, и с таким определением Он создал первого человека; это показал Он нам тотчас в самом начале. В самом деле, если бы Он не хотел вначале открыть нам две-

рей воскресения, то не попустил бы Авелю, украшавшемуся всеми добродетелями и бывшему любезным Ему, претерпеть то, что он претерпел; теперь же, показывая нам, что мы идем к другой жизни и существует некоторый другой век праведных, в котором приготовлены награды и венцы, Он попустил первому праведнику отойти отсюда, не получив здесь награды за труды свои, чтобы он страданиями своими взывал и говорил всем, что после здешней жизни есть некоторое воздаяние, награда и возмездие. Потому Он и Еноха переселил и Илию восхитил, чтобы внушить нам учение о воскресении. Таким образом, для удостоверения в этом достаточно могущества Творца; но если кто-нибудь из немощнейших желает получить другое доказательство и залог будущего воскресения, то и это Бог даровал с великой щедростью, ниспослав в великом изобилии благодать Духа. Поэтому и Павел, подтвердив учение о воскресении Христовым Воскресением и тем, что Виновник его Бог, присовокупил следующее изречение: *и дал нам залог Духа*, не денег, не золота и серебра, но *залог Духа* (2 Кор. 5, 5), а залог есть часть всего и ручательство за все. Как в договорах тот, кто получил залог, не сомневается и уверен во всем прочем, так и ты, получив залог, то есть дары Духа, уже не сомневайся в уготованных благах. Если ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, изгоняешь бесов, очищаешь прокаженных, врачуешь болезни, разрушаешь смерть, можешь совершать столь много и таких дел в слабом и смертном теле, то как получишь ты про-

щение, сомневаясь в воскресении? Если теперь, когда еще не настало время воздаяния, но еще продолжают подвиги, Бог наградил нас такими венцами, то представь, какие блага даст Он тебе во время воздаяния. Если же кто-нибудь скажет: мы не видим теперь таких знамений и не имеем такой силы, то я замечу, что нет никакого различия, теперь ли или прежде совершалось это. А что это совершаемо было прежде – при апостолах, о том свидетельствуют Церкви по всей вселенной, народы, города и племена, притекшие к простым людям и рыбакам. Не покорили бы, в самом деле, вселенной люди неученые, бедные, неимущие и униженные, если бы они не имели помощи в знамениях. Впрочем, и ты не остался чуждым благодати Духа, но еще и ныне много знамений этого дара, которые гораздо важнее и удивительнее даже вышеперечисленных, потому что не одно и то же – воскресить умершее тело или избавить от гибели душу, умерщвленную грехами, что совершается через крещение; не одно и то же – отогнать болезни плоти или сложить бремя грехов; не одно и то же – исправить поврежденный глаз или озарить светом помраченную душу. Так, если бы не было залога Духа и ныне, то не существовало бы крещения, не было бы ни отпущения грехов, ни оправдания и освящения, не получали бы мы усыновления, не были бы причастниками таинств – потому что без благодати Духа не могло бы быть таинственного Тела и Крови; не имели бы мы и священников, потому что без Его наития не может быть рукоположе-

ний. Можно было бы указать и много других знамений благодати Духа. Таким образом, и ты имеешь залог Духа, слагаешь мертвенность души и неправоту помыслов и оставляешь нечистую жизнь. Не будем же сомневаться в будущем, получив такие залого; всесторонне усвоив учение о воскресении, покажем и жизнь, достойную этого учения, чтобы достигнуть неизменяющихся благ, превосходящих всякое слово и ум человеческий, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

[1] Указывается на беседы против аномеев, и так как беседы против аномеев сказаны в 386 году, то и беседу о воскресении мертвых нужно относить к ближайшему за тем времени, всего вероятнее, к началу 387.